

## ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ ОДИССЕЯ БРОНИСЛАВА ГРОМБЧЕВСКОГО

В конце XIX в. заканчивалась воспетая Киплингом Большая Игра – продолжавшаяся почти столетие сложнейшая партия между Британской и Российской империями по разделу сфер влияния в Центральной Азии. Вернее, заканчивалась активная фаза Игры. Все меньше оставалось дел для военных, разведчиков и географов-исследователей, и их долгий труд завершали дипломаты. Меж тем магистральный вектор восточной политики России явственно перемещался с Центральной Азии на Дальний Восток. Случайно или нет, но на Дальнем Востоке скоро оказались многие знаменитые участники Большой Игры. В том числе и Бронислав Людвигович Громбчевский – один из последних легендарных участников Игры, сын польского повстанца, всю жизнь верно служивший Российской империи на самых опасных ее рубежах.

Свою дальневосточную одиссею он начинает с должности пограничного комиссара. О введении этой должности давно ходатайствовал приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской. По его мнению, недавно присоединенная территория настоятельно нуждалась в человеке, который на месте занимался бы отношениями между русскими и китайцами, и, шире, пограничными проблемами России и Китая в Приамурском крае. По его мнению, важнейшей причиной неудач с китайцами являлось «отсутствие в составе амурской областной администрации специального должностного лица, которое бы ведало дипломатической частью и пограничными сношениями и постоянно следило бы за результатами принимаемых в отношении китайцев мер»<sup>1</sup>. Кроме того, одной из важнейших задач комиссара должна была стать разведывательная деятельность в пограничной полосе Китая. Для этих целей он с согласия военного губернатора должен был регулярно посещать порубежные населенные пункты. Предусматривалась возможность использования в заграничных командировках личного шифра для секретной связи с губернатором и посольством<sup>2</sup>. 15 апреля 1896 г. представленная министром внутренних дел и Госсоветом новая должность была утверждена российским монархом, а 23 июля 1896 г. первым приграничным комиссаром стал Б.Л. Громбчевский.

Как он вспоминал позже, добирался до нового места службы долго – железной дороги еще не построили, поэтому путь во Владивосток через Суэц, Цейлон, Сингапур, Гонконг, Шанхай и Японию занял несколько месяцев<sup>3</sup>. Прибыв на место, он с головой окунулся в работу. Еще до его приезда в Амурскую область русская администрация пыталась разработать комплекс мер для решения проблемы зазейских маньчжур – китайского анклава на нашей территории. Российские власти хотели хоть как-то интегрировать в нашу административную систему этих подданных императорского Китая, на законном основа-

нии компактно проживавших на нашей территории, но результаты были ничтожными. Дело шло медленно и у Громбчевского. В 1897 г. он докладывал военному губернатору, что встретил «полное противодействие, как со стороны сельской администрации, так и сельского населения. Старшин приходилось разыскивать и приводить силой... Только уступая силе, они собирали народ, громко заявляя, что они не признают русских властей, а подчиняются исключительно Айгунскому амбаню»<sup>4</sup>. В сложившейся ситуации, по мнению пограничного комиссара, выполнение распоряжений генерал-губернатора было возможно лишь при взаимодействии с китайскими чиновниками.

А с ними у пограничного комиссара, периодически, согласно инструкции, навещавшего соседний Китай и встречавшегося с местными властями, складывались очень неплохие отношения. Айгунский амбань Шоу Шань даже просил Громбчевского купить для цзянцзюня золотые часы с бриллиантами за 4 тыс. рублей<sup>5</sup>. Порой, оказавшись в нужное время в нужном месте, что само по себе нельзя объяснить одним лишь везением, ему удавалось получить уникальные сведения. Так, 27 мая 1898 г. в совершенно секретной депеше, адресованной дипломату А.И. Павлову, Громбчевский сообщал о своем посещении Мохэшаньской и Тулухозской золотодобывающих компаний, о сборе сведений, касающихся добычи золота, о составлении подробной карты приискового района на обоих склонах Малого Хингана. Думается, что для человека, обладавшего его опытом разведывательной деятельности, собрать эту информацию не представляло большого труда. Но помимо этих данных ему удалось узнать еще и о внутренних проблемах среди представителей местной китайской администрации.

Главноуправляющий Хэйлунцзянскими приисками Чжоу-мян пребывал в расстроенных чувствах, так как со дня на день должен был появиться ревизор Сюй-ман-сян, правитель канцелярии Чжилейского вице-короля. Чжоу-мяна обвинили в неправильном израсходовании 25 тыс. лан, выданных на поимку хунхузов в 1896 г., и утаивании части золота, добывавшегося на подведомственных ему приисках. Инициировал разбирательство отрядный командир Шэу, испытывавший глубокую личную неприязнь к Чжоу-мяну, но его первое обращение осталось без последствий. В порыве откровенности Чжоу-мян рассказал Брониславу Людвиговичу, чего ему стоил подобный исход дела – часы с драгоценными камнями (2000 руб.), четки для ношения на шею (3000 руб.), подарки вещами и деньгами приближенным к цзянцзюню чиновникам. Однако Шэу оказался настырным, написал второй донос, приложив к тексту 500 лан, и делу дали ход. Правда у Чжоу-мяна был шанс – замалчивание дела цензор оценил в 5000 лан. То ли у

Чжоу-мяна жадность возобладала над практичностью, то ли понадеялся он на покровительство циньчжоу, но потакать корыстолюбивому цензору отказался. В итоге расследованием дела занялся ревизор Сюй-ман-сян. В расчете на благожелательный отзыв ему выплатили 2,5 тысячи лян, но - не помогло. Ревизор и деньги взял, и проверку не оставил<sup>6</sup>.

В конечном итоге Шоу Шань сместил Чжоу Мянся с поста управляющего Мохэшанскими золотыми приисками за злоупотребления и казнокрадство. Правда вскоре русская администрация назначила его управляющим Лесопромышленной компании<sup>7</sup>.

Летом 1898 г. Громбчевский совершил поездку в Харбин. Словно предчувствуя грядущее восстание ихэтуаней, он докладывал: «На линии же все живут нервно, в постоянной тревоге теперь и с мрачными предчувствиями в будущем»<sup>8</sup>.

Однако нервный узел российско-китайских отношений в эти года находился не в мирном Приамурье, а на Ляодуне, и, по всей видимости, в это время Громбчевский постепенно входит в проблематику тамошних дел. Именно он в ноябре 1898 г. по поручению Приамурского генерал-губернатора доставил в Петербург проект Временного положения об управлении Гуаньдунским полуостровом<sup>9</sup>.

26 мая 1899 г. Громбчевский назначен пограничным комиссаром Южно-Уссурийского края, однако в этой должности он пробыл совсем недолго, если вообще успел приступить к исполнению новых обязанностей. Спустя три месяца Громбчевского назначили комиссаром по гражданской части Квантунской области, в конце года он прибыл к новому месту службы.

15 марта 1898 г. Россия и Китай подписали конвенцию об аренде Ляодунского полуострова. Согласно этому документу на 25 лет «император китайский соглашается предоставить российскому правительству в арендное пользование порты Артур (Люшунь-коу) и Та-лянь-вань вместе с прилегающим к этим портам водным пространством»<sup>10</sup>. Однако оставался камень преткновения – судьба города Цзиньчжоу – административного, торгового и промышленного центра с населением около 45 тыс. Город служил «главным посредником в сухопутной торговле Маньчжурии с областями внутреннего Китая и Монголии»<sup>11</sup>.

Китайцы просили предоставить этому городу, находившемуся на арендуемой территории, «автономное муниципальное управление с необходимым количеством чинов городской полиции»<sup>12</sup>. Руководство военного ведомства было против такого положения, однако дипломаты уговорили их оставить решение этого вопроса на потом. Позиция МИДа была поддержана министром финансов С.Ю. Витте, считавшим, что не надо торопиться занимать Цзиньчжоу, а в дальнейшем этот город «должен будет принять те же административные нормы, что и окружающая его, уступленная России полоса», но пока не надо отталкивать китайцев категоричностью<sup>13</sup>. Точка в этом споре была поставлена подписанием 25 апреля 1898 г. дополнительного протокола к Пекинскому

соглашению 15 марта 1898 г. Российская сторона удовлетворила просьбы китайского правительства, оставив Цзиньчжоу в ведении китайских властей<sup>14</sup>.

Работы по определению и установлению линии границы арендуемой территории закончились весной 1899 г. Отошедшая к России территория вместе с островами составила почти 3000 квадратных верст с населением около 300 тысяч человек. В пределы области попали 4 города, а также около 1500 сельских населенных пунктов<sup>15</sup>.

Итак, управление краем переходило к российской стороне, но готовых рецептов на этот счет у нее не было. Впервые административный аппарат предстояло создавать на территории, суверенное право на которую принадлежало другому государству. Необходимо было найти управленческие решения, которые учитывали бы новые реальности<sup>16</sup>. Окончательный вариант Временного положения об управлении Квантунской областью выработало 5 августа 1899 г. Особое совещание, взяв за образец организацию русской власти в Туркестане<sup>17</sup>. Ключевая роль в администрации главного начальника отводилась комиссару по гражданской части. По отношению к местному населению закон предоставлял комиссару полную свободу действий. Ст. 42 наделяла его правом: 1) назначать, перемещать и увольнять всех лиц "туземного управления"; 2) подвергать китайцев, не исключая должностных лиц низового управления (волостных старшин и сельских старост), аресту не свыше месяца или денежному взысканию не более 30 рублей. Основанием для наказания могли служить нарушение законных распоряжений властей, а также родителей, непочтение или грубость к лицам, облеченным правительственной или общественной властью, ссоры, драки или "другого рода буйства в публичных местах и вообще нарушение общественной тишины"<sup>18</sup>. Кроме того, в обязанности комиссара по гражданской части входил подбор кандидатур участковых начальников; утверждение лиц на должности волостных старшин. Полицеймейстер Порт-Артура непосредственно подчинялся комиссару по гражданской части.

Согласно воспоминаниям И.Я. Коростовца Громбчевский «проявил недожиданные способности в качестве администратора. Он организовал управление занятого нами края и сумел установить хорошие отношения с китайцами. Между тем его роль как гражданского правителя, с широкими, но неопределенными функциями, была не из легких. Приходилось ладить с соперничающими ведомствами и прежде всего со Всемогущей китайской дорогой, за которой стояли наше министерство финансов и Витте»<sup>19</sup>.

В июне 1900 г. в связи с восстанием ихэтуаней на область были распространены Высочайше утвержденные 18 июня 1892 г. правила о местностях, объявленных на военном положении. В соответствии с ними комиссар по гражданской части получил право рассматривать уголовные дела по преступлениям, за которые закон предусматривал наказания в виде тюремного заключения до трех месяцев или штрафа до 3000 рублей. За почти полтора года военного положения «через комиссара прошло 589 дел мировой

подсудности, при этом лишь по трем из них поступили апелляционные жалобы туземцев, знающих местные обычаи»<sup>20</sup>.

Среди прочих проблем для администрации Квантунской области бельмом на глазу был вопрос о подчиненном мукденскому цзянь-цзюню г. Цзиньчжоу. Несмотря на то, что после начала боевых действий цзиньчжоуские власти никаких активных действий не предпринимали, ожидая инструкций из Мукдена, вопрос о занятии этого города обсуждался в июне 1900 г. После битвы при Дагу Е.И. Алексеев решил занять город и предложить проживавшим там китайским чиновникам немедленно выехать из пределов Квантунской области. Кроме желания избавить Порт-Артур от возможных шпионов, главный начальник этой области хотел своим распоряжением прекратить и деятельность местного фудутуна. По сведениям наших инженеров он вооружал знаменное население и проводил военные смотры<sup>21</sup>.

П. Россов, владевший китайским языком и исполнявший при генерале Д.И. Суботиче обязанности дипломатического чиновника, отмечал, что китайские чиновники объясняли народу ситуацию, возникшую после занятия русскими Квантуна достаточно своеобразно. Якобы русские войска явились «как наемники, призванные китайским правительством для охраны страны от японцев, сопротивляться которым туземные войска никак не могут, потому что «низкорослые варвары» употребляют в войне разные коварные способы, которые крайне неблагородны и для порядочных людей совсем непозволительны»<sup>22</sup>. Для того, чтобы «бороться с такими злодеями, следует противопоставить им варваров, не менее хитрых и коварных». Русские, конечно, хотя и иностранные варвары, крайне невежественные (т.к. не знают ни китайских обычаев, ни иероглифов, которые японцы, все же умеют разбирать), грубые и развратные, но как бы там ни было сравнительно с другими, они довольно добродушны, и с ними следует жить мирно. Но нехорошо, если эти бледнолицые черти, постоянно склонные к разному своевольтву, вздумают обогащаться на счет жителей сбором податей и других налогов. (...) можно было бы согласиться на уступку податей и налогов в их пользу. Но они ведь не удовольствуются законной частью, а по своей жадности потребуют вдвое, а то и второе, т.е. в том же размере, в каком требуют от своих крестьян, бедность которых всем известна, т.к. они ничего другого не едят кроме черного хлеба и дохлой конины»<sup>23</sup>. Под влиянием «цзиньчжоуских мандаринов у населения мало по малу складывалось очень определенное, но, к сожалению, совершенно ложное и крайне неблагоприятное представление о русских»<sup>24</sup>.

Однако свое решение вице-адмирал Алексеев отменил, т.к. и Громбчевский, и финансовый агент при главном начальнике Квантунской области Протасьев доложили, что намеченная мера «несвоевременна, и, не будучи вызвана безусловной необходимостью», может привести к вредным для железной дороги репрессиям со стороны Мукденского цзянцзюня. Такая мера, по их мнению, шла бы вразрез и с видами министра финансов, который советовал воз-

держиваться в Маньчжурии от всяких военных демонстраций»<sup>25</sup>.

Вскоре ситуация осложнилась, и 17 июля 1900 г. была получена телеграмма, в которой сообщалось об отмене автономии в г. Цзиньчжоу и о введении там российского гражданского правления. Как оказалось, неудобную для русской администрации ситуацию разрешил Громбчевский. Прибыв 14 июля в Цзиньчжоу, он потребовал от чиновников выдачи оружия и пригласил их прибыть в дом начальника участка, предупредив, что в противном случае город будет занят. Так как к назначенному времени требование исполнено не было, Громбчевский приказал своему отряду занять крепостные ворота. Вслед затем фудутун, пристав и два селена были арестованы и увезены в Порт-Артур. Одновременно для успокоения местного населения издали объявление, информировавшее, что в городе вводится русское управление<sup>26</sup>.

Военные действия в Маньчжурии продолжались все оставшееся лето. К середине сентября русские войска заняли основные города в Северной Маньчжурии, три маньчжурские провинции были в русских руках. Встал вопрос, что делать дальше? Осенью 1900 г. представители практически всех русских ведомств соглашались, что над этой территорией должен быть сохранен суверенитет Китая. Еще в августе 1900 г. было принято решение о том, что в занятых районах будет восстановлено китайское управление.

Окончательное решение было принято в октябре 1900 г., когда были выработаны «Основания русского правительственного надзора в Маньчжурии», позже утвержденные государем. Маньчжурия оставалась составной частью Китайской империи и сохраняла те же административные подразделения и тот же порядок управления, который существовал до занятия этой области русскими войсками. Для прочного поддержания спокойствия в Маньчжурии и для того, чтобы заставить китайское правительство выполнить его обязательства по отношению к строящейся КВЖД с ветвью на Порт-Артур, часть русских войск, действовавших в Маньчжурии, временно оставалась в этой области. Китайское правительство отказывалось от содержания своих войск в Маньчжурии, и за цзянцзюнями и фудутунами должны были остаться только одни административные обязанности. Надзор за деятельностью цзянцзюней и фудутунов в Мукденской провинции и оказание им содействия к восстановлению и поддержанию здесь порядка возлагались на главного начальника Квантунской области; лицами, через которых он мог руководить цзянцзюнем, являлись вновь вводимые в Маньчжурии военные комиссары и дипломатические агенты. Для того, чтобы провести эти решения в жизнь, нужно было решить вопрос с Китаем, но вопрос, к кому обратиться в самом Китае, тоже был нелегким. В конечном итоге переговоры начались с местными цзянцзюнями, но не были объединены в одних руках»<sup>27</sup>.

Вопросы восстановления китайской администрации Фэнтяня были переданы в ведение Е.И. Алек-

сеева. Его позиция прослеживается в письме к А.Н. Куропаткину: «На первое время оккупация в интересах наших должна иметь характер преимущественно политический, посему полагал бы желательным сохранить в Мукденской провинции, насколько возможно, существующий административный строй, не вмешиваясь без особой надобности в дела внутреннего управления цзянь-цзюня. ... Для руководства и контроля при нем должны стоять уполномоченные военного и министерства иностранных дел. Круг действия этих лиц мог быть определен применительно к положению английских советников при туземных правителях в британской Индии»<sup>28</sup>.

А.Н. Куропаткин сообщал ему: «7 октября Государь Император Высочайше соизволил... пригласить, при содействии наших войск, Мукденского цзянь-цзюня в Мукден и оказать ему содействие нашею военною силою...»<sup>29</sup> Мукденский цзянцзюнь Цзэн Ци «человек добродушный, дружелюбно расположенный к иностранцам, но зато совершенно слабохарактерный, недостаточно самостоятельный, опасавшийся принимать решения, несогласные с советами окружающих его должностных лиц»<sup>30</sup> для ведения предварительных переговоров командировал даотая Чжоу Мян — директора китайской Хэйлунцзянской лесной компании, поставлявшей лес на Маньчжурскую железную дорогу, переводчика Жуй Аня, чиновника 3-го класса с рангом окружного начальника, служившего ранее при китайской миссии в Петербурге, и уездного начальника Цзянь Вэнь Си. Китайская делегация прибыла сначала в Мукден, а 21 октября в Порт-Артур. С русской стороны переговоры вел И.Я. Коростовец, дипломатический чиновник Квантунской области, и его секретарь П.Г. Тидеман<sup>31</sup>.

Чжоу Мян долго возражал против русских условий, но затем уступил. Особенное затруднение со стороны китайцев вызвали статьи об оставлении в некоторых городах русского военного управления и статья об учреждении в Мукдене комиссарства. Под давлением Алексеева, пообещавшего под караулом отправить китайскую делегацию обратно, а самого цзянцзюня не выпустить из Синминтина, предварительное соглашение было подписано 27 октября<sup>32</sup>. 30 октября китайская делегация выехала в Синминтин, куда прибыл цзянцзюнь. Цзэн Ци долго отказывался подписать соглашение, подверг Чжоу Мян опале, сам был близок к самоубийству, но, найдя оправдание в том, что соглашение временное, и внося ряд уточнений, подписал договор 13 ноября. 16 ноября Цзэн Ци вернулся в Мукден и приступил к исполнению своих обязанностей. Военным комиссаром при нем стал Б.Л. Громбчевский.

Но на этом цзянцзюнь не успокоился, препроводив Е.И. Алексею ряд изменений и дополнений, которые были признаны Алексеевым обоснованными и подлежащими всестороннему обсуждению. С этой целью 10 января 1901 г. цзянцзюнь с небольшой свитой и русским военным комиссаром прибыл в Порт-Артур<sup>33</sup>. В результате было выработано окончательное соглашение, состоявшее из 9 пунктов. В нем закреплялась русская военная оккупация, разоружение

и роспуск китайских войск, уничтожение укреплений и боеприпасов. Цзянцзюнь, при котором назначался русский военный комиссар, отвечал за порядок в провинции и беспрепятственный ход постройки КВЖД, он имел право содержать безоружную полицию и обращаться за содействием к русским военным властям.

Заметим, что китайский чиновник находился в сложном положении. Во-первых, «наши власти, занявшие в Мукдене положение хозяев, не сочувственно отнеслись к возвращению цзянцзюня и его чиновников, считая, что управление должно остаться в русских руках»<sup>34</sup>. Во-вторых, возвращение в Мукден под охраной русских подорвало его престиж в глазах населения. О невысоком авторитете Цзэн Ци среди местных жителей ставил в известность Алексеева и начальник южно-маньчжурского отряда генерал К.В. Церпицкий, писавший, что мукденский цзянцзюнь «не пользуется авторитетом среди местных жителей, как по мягкости его характера, так и потому, что он постоянно находится под влиянием лиц его окружающих»<sup>35</sup>. В-третьих, по сведениям Ли Хунчжана, император был разгневан действиями Цзэн Ци. Из Пекина пришло известие, что за заключение соглашения и самовольный приезд в Порт-Артур цзянцзюнь снят с должности, и ему надлежит явиться в столицу на суд. Вмешательство русского посланника спасло его от кары, Цзэн Ци был оставлен на своем посту, но ему было приказано «управляя делами, не повторять больше сделанных им глупых ошибок»<sup>36</sup>.

Громбчевский уведомлял, что «цзянцзюнь подавлен нравственно и, кроме того, находится в крайне стесненном материальном положении, живет со свитой на жалком постоялом дворе, ибо ямынь его занят начальником нашего южно-маньчжурского отряда генералом Церпицким, который обращается с китайскими чиновниками грубо и презрительно»<sup>37</sup>. Громбчевский предлагал оказать Цзэн Ци денежную помощь, тем самым поставив в еще более тесную зависимость.

Несмотря на способности, влияние, хорошее отношение с русскими Цзэн Ци был не в состоянии удержать в своих руках южную Маньчжурию, и, когда зимой 1901 г. в Мукдене вспыхнул мятеж, цзянцзюнь был не в силах его подавить. Он бежал, и только вмешательство русских властей вернуло ему пост<sup>38</sup>.

В предварительном соглашении роль военного комиссара была отражена в п. 7.: «При цзянцзюне будет состоять русский комиссар для удобства сношений с главным начальником Квантунской области. Комиссар этот должен быть осведомлен о всех важнейших делах и распоряжениях цзянцзюня»<sup>39</sup>. Громбчевский прибыл в Мукден в начале декабря. Согласно полученной им инструкции он должен «был играть там роль «всевидающего ока», т.е. быть осведомленным обо всем, что творится в провинции. Он должен был иметь надзор за цзянцзюнем и его чиновниками и служить посредником между ними и военными властями»<sup>40</sup>. Коростовец отмечает, что «Громбчевский принялся за дело, направив свои ста-

рания на возрастания доверия и добрых отношений между русскими военными властями и китайцами»<sup>41</sup>. По всей видимости, оценка Коростовца близка к действительности.

Приходилось разбирать конфликтные ситуации между русскими военными и китайцами, возникшие из-за незнания местных обычаев. Так, в декабре 1900 г. командиру 2 роты 15 Восточно-Сибирского стрелкового полка капитану Белову местные китайцы выдали пятерых хунхузов. Им отрезали косы, что и вызвало жалобы<sup>42</sup>. Громбчевский вынужден был объяснять непосредственному начальнику Белова, что «по понятиям китайцев отсутствие косы лишает человека честного имени и даже возможности зарабатывать себе кусок хлеба», и советовал, что «к подобному наказанию желательно прибегать только в крайних случаях и, во всяком случае, при явных доказательствах виновности лиц подвергаемых этой позорящей операции, чего в данном случае не было»<sup>43</sup>.

Были и более сложные случаи. В январе 1901 г. к полковнику Го (Громбчевскому) с жалобой обратился заведующий императорскими могилами Фу лин. Он писал: «На западной стороне могил живет русский офицер и много солдат. Сами они живут спокойно и не грабят населения. Но с ними живет переводчик. Очень дурной человек, он занимается вымогательством денег, и если жители отказываются платить, он приходит вторично с несколькими русскими солдатами, и они вместе грабят и насилуют женщин»<sup>44</sup>. В ходе разбирательства выяснилось, что существуют проходимцы, называющие себя переводчиками русских войск. Громбчевский посчитал необходимым снабдить всех переводчиков удостоверениями, выданными военным комиссаром, и оповестить об этом население<sup>45</sup>.

Летом 1900 г. обозначилась еще одна проблема – отряды хунхузов под руководством Лю Данцзы (Лю Бинхо, Люданзыр, Люданца, Люданзыр, Лиутацзы, Лиутайцзы), бывшего одним из самых известных и популярных предводителей китайской вольницы. Именно с ним и верными ему формированиями русские войска вели военные действия вплоть до осени 1901 г.<sup>46</sup> Ситуация в Мукдене и окрестностях была беспокойной. Еще в январе 1901 г. Громбчевский сообщал Алексееву о «заметном тревожном настроении среди населения Мукдена, поводом чему служило появление в Мукдене эмиссаров Цзин-чана и его прокламаций, подстрекающих к восстанию против русских»<sup>47</sup>.

В конце марта - начале апреля 1901 г. русскими войсками были проведены операции против отрядов Лю Данцзы и Сышеявана, но закончились они неудачей<sup>48</sup>. Долгая деятельность Лю Данцзы вряд ли была бы возможной без тайной поддержки китайских чиновников. Перед выступлением отряда в экспедицию против Лю Данцзы в апреле 1901 г. Громбчевский на свой страх и риск, не имея твердых доказательств, взял под стражу Хуаженсянского тифангуаня Чжан-сяо-цзина и полковника Ма, подозревая их в связях с хунхузами. Эти действия вызвали скорую ответную реакцию. В начале мая Синцзинтинский

фудутун Линг сообщил своему начальнику Мукденскому цзянцзюню, что Лю Данцзы собирается нанести удар по Мукдену. К Лингу явился хунхуз по имени Тин-чен-дуни, рассказавший об этих намерениях. Основная причина, побудившая на открытое столкновение, желание освободить товарища Ма-фун-чана. «Если бы он был выпущен, то все их люди вперед не пойдут». Фудутун интересовался, возможны ли в этом деле уступки, ведь Ма-фун-чан и тифангуань Чжан находятся под арестом у русских. От себя он добавил, что воевать с хунхузами не сможет, т.к. средств у него нет, а хунхузов более 10 тысяч<sup>49</sup>.

Вскоре появилось документальное подтверждение этих связей, в распоряжение начальника южно-маньчжурского отряда попали бумаги, указывающие на помощь хунхузам не только этих лиц, но и чиновников администрации цзянцзюня<sup>50</sup>. Тем не менее, в конце мая 1901 г. командующий войсками приказал Ма-фын-чуна, «посланца Лиутанцзы», освободить на поруки, но установить «неослабный надзор» и не выпускать из Мукдена<sup>51</sup>.

8 мая военный министр поставил задачу вице-адмиралу Е.И. Алексееву, во чтобы то ни стало покончить с Лю Данцзы и Сышеяваном, «с этими двумя прославившимися предводителями больших и опасных скопищ»<sup>52</sup>. В конце лета - начале осени 1901 г. русскими войсками в Северной Маньчжурии были проведены успешные операции по пленению Люданзыра и Сышеявана.

Еще один вопрос, требовавший постоянного контроля и внимания Громбчевского – это обеспечение сохранности императорского дворца. После того как дворец был занят русскими войсками, была назначена комиссия «для осмотра дворцовых кладовых и приведения в ясность и некоторый порядок вещей». Закончив работу, комиссия доложила «начальнику отряда, что имущество, хранящееся во дворце, состоит, главным образом, из громадной библиотеки, домашней утвари, царских одеяний, седел, сабель и других ценных вещей»<sup>53</sup>.

Для охраны начальник штаба полковник Артамонов установил такой порядок: командир охранной роты считается смотрителем дворца; кладовые запечатываются печатями смотрителя дворца и начальника штаба; к ним выставляются часовые. Допуск в кладовые разрешается каждый раз начальником отряда и в присутствии комиссии из трех лиц: смотрителя дворца, адъютанта штаба и китайского офицера или чиновника по назначению дзянь-дзюня (генерал-губернатора)<sup>54</sup>. Особую ценность представляла богатейшая библиотека, «содержавшая в себе до 80.000 томов научных, философских и беллетристических сочинений»<sup>55</sup>.

Европейцы плохо представляли себе, какие книги хранятся в библиотеке. Ходили слухи, что там есть даже древние и средневековые европейские манускрипты, захваченные монголами в Венгрии или привезенные ранними христианскими миссионерами<sup>56</sup>. В конце мая 1901 г. в Мукден для знакомства с легендарной библиотекой из Владивостока прибыла научная экспедиция, возглавляемая профессором Восточного института А.В. Рудаковым. Вместе с ним

приехали П.П. Шмидт, Н.В. Кюннер и трое студентов (в том числе А.П. Хионин). Год назад, будучи в Южной Маньчжурии? А.В. Рудаков стал очевидцем боксерского восстания. Он написал записку на имя генерал-губернатора Н.И. Гродекова, предложив «обследовать большие архивы Северной Маньчжурии, которые должны были таить в себе богатые материалы по истории, культуре, быту, земледелию, описанию городов страны». Гродеков посчитал это предложение разумным и по мере возможности помогал осуществлению поездки Рудакова в Китай, в том числе и материально. Так? на поездку в Мукден была выделена значительная сумма – 4998 рублей<sup>57</sup>.

31 мая 1901 г. Громбчевский в присутствии шести чиновников, назначенных цзянцзюнем, вскрыл два главных книгохранилища и передал их Рудакову. «Во избежание нареканий в пропаже каких-либо манускриптов нами установлены следующие правила. Занятия в библиотеке с необходимыми перерывами производятся с 7 часов утра до 7 часов вечера в присутствии и совместно с китайскими чиновниками, а наружные двери, каждый раз по закрытии библиотеки, опечатываются печатью профессора Рудакова и старшего китайского чиновника и сдаются под охрану русского дворцового караула»<sup>58</sup>.

Экспедиция работала с мая по ноябрь. Рудаков вместе со своими коллегами составили опись книг, входивших в знаменитое собрание, что развенчало многие мифы о библиотеке. Другим результатом этой экспедиции стало написание Рудаковым одной из первых больших его работ «Богдоханские дворцы и книгохранилища в Мукдене».

Много разъезжая по Маньчжурии по долгу службы, Громбчевский не оставил занятия топографией. На основе расспросных сведений и по китайским источникам им была составлена 32 верстная карта Мукденской провинции с разделением на тифаньгуанства и указанием важнейших торговых пунктов.

Летом - в начале осени 1903 г. в Маньчжурии устанавливался новый порядок управления (указы от 30 июля 1903 г. об учреждении наместничества и 1 сентября 1903 г. о порядке взаимодействия наместника, Особого комитета Дальнего Востока и министерств)<sup>59</sup>. 23 августа наместник издал приказ № 13 о создании в Порт-Артуре Комиссии по выработке положений об управлении областями Дальнего Востока под его руководством. Состояла она из двух подкомиссий: военной и гражданской. Для разработки проекта об административном устройстве Квантунской области и города Дальнего было решено выделить специальную подкомиссию во главе с комиссаром по гражданской части Квантуна Б.Л. Громбчевским<sup>60</sup>. Однако Громбчевский участия в этой работе не принял. Уезжая в отпуск в Европейскую Россию, он принял решение не возвращаться на Дальний Восток. Главной причиной принятия такого решения стало несогласие с той политической линией, которую проводила Россия на Дальнем Востоке.

Громбчевский прослужил на Дальнем Востоке 11 лет. Он внимательно следил за развитием событий в соседних странах - не только по газетам, но и вы-

езжая туда. В марте 1903 г. Громбчевский побывал в Корее, посетив русскую школу Н. Н. Бирюкова<sup>61</sup>. Ситуация в Корее вызывала у него тревогу, и вину за развитие событий он возлагал на безобразовцев. Интересовался Японией, часто там бывал. Первую часть шестимесячного отпуска, полученного в конце 1902 г. Громбчевский провел именно в этой стране. Выводы, к которым он пришел, были неутешительны: «Япония – опасный и небезобидный сосед, готовящийся к войне». Сойдя с борта парохода "Монголия", доставившего Громбчевского из Иокогамы в Порт-Артур, он пошел к адмиралу Алексееву и подробнейшим образом доложил о наблюдениях и собранных сведениях, показав некоторые документы, привезенные из Японии. Алексеев выслушал с видом человека, убежденного, что в данном случае он обладает более точной информацией. Он сказал, что Громбчевский не должен был прерывать свой отпуск и терять время для сбора сведений, так как этим занимается посольство в Токио. При этом он отметил, что посольство высказывает противоположную точку зрения. Таким образом, нет никаких оснований думать, а тем более говорить о предстоящей войне<sup>62</sup>.

Громбчевский служил под началом Алексеева четвертый год и знал, что спорить с ним бесполезно. Будучи в отпуске, он решил по дороге к матушке, жившей в Литве, заехать в Петербург и доложить обо всем военному министру. Куропаткин, незадолго до этого побывавший в Японии, отнесся к сведениям Громбчевского с большим вниманием и организовал ему аудиенцию у императора. Выслушав получасовую доклад Громбчевского, Николай II сказал: «А вы не убедили меня. Ни на один миг не мог себе представить, что эти макаки осмелятся начать войну. Мы их шапками закидаем»<sup>63</sup>. Громбчевский отвечал, что это верно было бы в том случае, если бы война шла в центральной России. Императора этот разговор начал явно раздражать, в конце он подытожил: «Поверьте, я ценю, ваши заслуги и беспристрастность в отношении ко мне, но долгое присутствие на Дальнем Востоке расстроило ваши нервы. Вы видите не то, что есть на самом деле». Для того, чтобы Громбчевский пришел в норму, ему был пожалован 6 месячный отпуск с правом выезда за границу. Аудиенция была окончена. В своих мемуарах, написанных намного позже, Громбчевский так описывал свое состояние после беседы: «Я вышел из кабинета таким расстроенным, что мои губы дрожали. Я проклинал себя за свое усердие: стоило ехать с другого конца света, чтобы предупредить их о неминуемо надвигающейся опасности, чтобы они увидели только порыв моих расстроенных нервов и невозможность обойти ситуацию!»<sup>64</sup>

После этого разговора Громбчевский утвердился в своем решении покинуть Порт-Артур, даже ценой отставки. Он написал рапорт с просьбой о переводе в европейскую Россию, а если это невозможно, то об отставке. На встрече с Куропаткиным он объяснил, что единственное его богатство – это честное имя.

В августе 1903 г., будучи в отпуске в Венеции, он получил телеграмму о предполагаемом назначении его губернатором Астрахани.

- <sup>1</sup>Нестерова Е.И. Русская администрация и китайские мигранты на Юге Дальнего Востока России (вторая половина XIX - начало XX вв.). Владивосток, 2004. С. 138.
- <sup>2</sup>Тимофеев О.А. Указ.соч. С.134- 135.
- <sup>3</sup>Grabczewski B. *Nasłużbie Rosyjskiej*. Warszawa, 1990. P. 49.
- <sup>4</sup>Нестерова Е.И. Указ.соч. С. 138.
- <sup>5</sup>Дацышен В. Шоу Шань // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 154 - 155.
- <sup>6</sup>АВПРИ. Ф. 188. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 526, л. 22 – 22 об.
- <sup>7</sup>Дацышен В.Г. Русско-Китайская война. Маньчжурия 1900 г. СПб., 1996. С. 51.
- <sup>8</sup>Дацышен В.Г. Указ.соч. С. 44.
- <sup>9</sup>Яргаев М. Х. Формирование административного аппарата в Квантунской области. 1898 - 1903 гг. // Вопросы истории. 2008. № 10. С. 78.
- <sup>10</sup>Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. М., 1952. С. 310.
- <sup>11</sup>Хвостов А. Описание Мукденской провинции. 1904. С. 210.
- <sup>12</sup>АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1511, л. 60.
- <sup>13</sup>АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1511, л. 104 об - 105.
- <sup>14</sup>АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д. 1511, л. 108, 133.
- <sup>15</sup>Дацышен В. Андреевский флаг над Порт-Артуром // Азия и Африка сегодня. 1998. - № 3.
- <sup>16</sup>Яргаев М. Х. Указ.соч. С. 78.
- <sup>17</sup>Лукоянов И. В. Дальневосточное наместничество (1903 - 1905 гг.) // Отечественная история. 2008. №. С. 75.
- <sup>18</sup>Яргаев М. Х. Указ.соч. С. 84.
- <sup>19</sup>Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин, 1922. С. 51.
- <sup>20</sup>Яргаев М. Х. Указ.соч. С. 87 - 88.
- <sup>21</sup>Россия и Япония на заре XX столетия. М., 1994. С. 282.
- <sup>22</sup>Россов П. Русский Китай. Очерки занятия Квантуна и быта туземного населения. Порт-Артур, 1901. С. 3.
- <sup>23</sup>Россов П. Указ.соч. С. 4.
- <sup>24</sup>Россов П. Указ.соч. С. 8.
- <sup>25</sup>Россия и Япония на заре... С. 282.
- <sup>26</sup>АВПРИ. Ф. 143. Китайский стол, оп. 491, д.1540, л. 75 – 77 об.
- <sup>27</sup>Россия и Япония на заре... С. 288-289.
- <sup>28</sup>Дацышен В.Г. Указ.соч. С. 120
- <sup>29</sup>Дацышен В.Г. Указ.соч. С. 122.
- <sup>30</sup>Россия и Япония на заре... С. 277.
- <sup>31</sup>Дацышен В.Г. Указ.соч. С. 122. Янчевецкий Д.Г. Указ.соч. С. 631.
- <sup>32</sup>Коростовец И. Я. Указ.соч. С. 128; Дацышен В.Г. Указ. соч. С. 122 – 123.

- <sup>33</sup>РГВИА. Ф. 486, оп. 1, д. 116, ч. 1, л. 36.
- <sup>34</sup>Коростовец И.Я. Указ.соч. С. 134.
- <sup>35</sup>РГВИА. Ф. 486, оп. 1, д. 116, ч. 1, л. 60.
- <sup>36</sup>Россия и Япония на заре... С. 290.
- <sup>37</sup>Коростовец И.Я. Указ.соч. С. 134.
- <sup>38</sup>Янчевецкий Д.Г. Указ.соч. С. 634.
- <sup>39</sup>Коростовец И.Я. Указ.соч. С. 130.
- <sup>40</sup>Коростовец И.Я. Указ.соч. С. 132.
- <sup>41</sup>Коростовец И.Я. Указ.соч. С. 134.
- <sup>42</sup>РГВИА. Ф. 486, оп. 1, д. 116, ч. 1, л.45.
- <sup>43</sup>РГВИА. Ф. 486, оп. 1, д. 116, ч. 1, л. 47 – 47 об.
- <sup>44</sup>РГВИА. Ф. 486, оп. 1, д. 116 ч. 1, л. 17.
- <sup>45</sup>РГВИА. Ф. 486, оп. 1, д. 116 ч. 1, л. 128.
- <sup>46</sup>Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М., 2004. С. 339.
- <sup>47</sup>РГВИА. Ф. 486, оп. 1, д. 233 л. 4.
- <sup>48</sup>Попов И.М. Указ.соч. С. 341.
- <sup>49</sup>РГВИА. Ф. 486, оп. 1, д. 116 ч. 1, л. 530.
- <sup>50</sup>РГВИА. Ф. 486, оп. 1, д. 116 ч. 1, л. 445.
- <sup>51</sup>РГВИА. Ф. 486, оп. 1, д. 116 ч. 1, л. 575.
- <sup>52</sup>Попов И.М. Указ.соч. С. 341 – 342.
- <sup>53</sup>Иванов И. Е. Мукденский дворец // Исторический вестник. 1903. № 6. С. 998.
- <sup>54</sup>Иванов И. Е. Указ.соч. С. 988.
- <sup>55</sup>Иванов И. Е. Указ.соч. С. С. 1005 - 1006.
- <sup>56</sup>Рудаков А.В. Богдоханские дворцы и книгохранилища в Мукдене. Владивосток, 1901. С. 1.
- <sup>57</sup>Хисамудинов А. А. Аполлинарий Васильевич Рудаков, его труды и книжное дело в Восточном институте // Власть книги: Библиотека. Издательство. Вуз: научно- информационный альманах N.6. С. 71-73.
- <sup>58</sup>РГВИА. Ф. 486, оп. 1, д. 116, ч. 1, л. 559.
- <sup>59</sup>Лукоянов И. В. Указ.соч. С. 77.
- <sup>60</sup>Салогуб Я. Л. Учреждение Дальневосточного наместничества и планы реорганизации регионального управления в начале XX века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2010. № 2. С. 33.
- <sup>61</sup>Хохлов А. Первый преподаватель русского языка в Корею Н. Н. Бирюков: педагог, организатор военной разведки и дипломат // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 2. С. 154.
- <sup>62</sup>Grabczewski B. Op. cit. P.75.
- <sup>63</sup>Grabczewski B. Op. cit. P.77.
- <sup>64</sup>Grabczewski B. Op. cit. P. 78.

**С.А. Пискунов, Благовещенский государственный педагогический университет**

## **СОВЕТСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ПРИГРАНИЧНЫЕ РАЙОНЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)**

Миграция населения традиционно является своеобразным регулятором численности населения в отдельно взятом регионе. Особо актуально это для так называемых «слабозаселенных областей», к которым собственно и относится территория Приамурья. Увеличение людских и трудовых ресурсов – одно из важнейших условий социально-экономического развития региона и его эффективного сотрудничества с многонаселенными странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Привлечение населения в

приграничные районы Дальнего Востока традиционно являлось одним из приоритетных направлений государственной региональной политики. Еще царское правительство, руководствуясь как экономическими, так и военно-политическими соображениями, с одной стороны, жесткими административными мерами укрепляло границу казачьим сословием. С другой, начиная с 80-х гг. XIX в., активизировало политику переселения крестьян и другого населения для освоения огромных земельных ресурсов, бога-